

18+

ВАЛЕНТИН АЛЬБЕРТОВИЧ
КОЛЕСНИКОВ

ФАЕТОН

НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН. КНИГА 11. ЧУЖИЕ

Валентин Колесников

**Фаэтон. Научно-фантастический
роман. Книга 11. Чужие**

«Издательские решения»

Колесников В. А.

Фаетон. Научно-фантастический роман. Книга 11. Чужие /
В. А. Колесников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511955-1

События посещения меня Пришельцами с благодарной миссией, изложенные в данном произведении, происходили в 1961 году. Мне было тогда 13 лет, я уже был учеником 8-го класса Шпильковской средней школы...

ISBN 978-5-00-511955-1

© Колесников В. А.
© Издательские решения

Содержание

Книга – XI	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	14
Глава пятая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фаетон
Научно-фантастический
роман. Книга 11. Чужие

Валентин Альбертович Колесников

© Валентин Альбертович Колесников, 2020

ISBN 978-5-0051-1955-1 (т. 11)

ISBN 978-5-0051-1889-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга – XI

Чужие

Глава первая

Шпитьки. Это название села, расположенного на двадцать восьмом километре Брест-Литовского шоссе от Киева на Запад.

На двадцать восьмом километре шоссе, дорога сворачивает влево и, по вымощенной камнем проезжей части, мчится в сторону села. До семнадцатого года в Шпитьках была усадьба известного сахарозаводчика Терещенко.

Богатый помещик разбил прекрасный парк усадьбы, вырыл каскад прудов. Построил церковь, точную копию Киевского Владимирского собора.

Внутри церковь была расписана ликами святых. Над росписью трудились ученики самого Васнецова. После революции, до событий, описанных в книге, церковь еще сохранилась и даже велась служба.

В пятидесятые годы единственным кирпичным домом был дом моей матери Зимогляд Ольги Андреевны, который она построила на банковский кредит. В то, послевоенное время, не всем давали кредит в банке. Так как Ольга Андреевна была избрана депутатом Верховного Совета Украины 4-го созыва, ей выдали банковский кредит в размере 10 000 рублей под строительство. В строительных материалах проблем не было, так как депутату Верховного Совета СССР полагалось обеспечение в первую очередь при гарантии оплаты. И дом был выстроен.

Внутри дома было прекрасно летом. Прохлада освежала, когда жара стояла снаружи. И сыро, и холодно было зимой. Печки вечно дымили, и стоял едкий резкий запах брикета (смесь угольной пыли со смолой).

В доме, моя бабушка, старая морщинистая женщина с дрожащим подбородком в длинной юбке и переднике, стояла у печи и мешала жар. Звали ее Евгения Лаврентьевна, фамилия по мужу Зимогляд, а ее девичья фамилия была Срибна. Моя бабушка была родом из Переяслав-Хмельницкого, и длинными зимними вечерами, часто вспоминала о своем доме и родном брате, к сожалению, я не запомнил его имени, знаю только то, что он всю свою жизнь прожил в Переяслав—Хмельницком. Что он был фанатическим приверженцем голубей. В своем частном доме у него на чердаке была оборудована голубятня, где царил строгий порядок и чистота.

В доме Ольги Андреевны пахло борщом и вкусным ароматом тушеного мяса. Село жило в достатке, так как сами выращивали все – и овощи, и мясо.

Я все время вертелся возле бабушки, непроизвольно мешая колдовать печными вилами. На что бабушка сердилась и ворчала:

– Была бы утопила в сартире, и не мучилась бы. – не зло, глядя на меня, сказала она. Я никогда не обижался на бабушку, и теперь, попросту не обратил внимания на ее слова. Только спросил:

– Бабушка, а что сегодня на обед?

– Что, что? Увидиш. – недовольно ответила бабушка, – Лишь бы ты съел?

– Буду кушать только мясо, – отвечал я, – сало сама ешь.

– Вот вредитель. Будеш ты, гадова душа, корочки хлеба рад когда-нибудь.

Мне стало обидно. Я надул пухлые щеки и отстал от бабушки. У меня в руках оказался перочинный ножик, который я носил в кармане вельветовых темно-коричневых шорт до колен. И принялся мастерить пропеллер. Мне нравилось, когда ветер вращал мое изделие, и, тогда казалось, что я в самолете лечу над просторами полей села, выше деревьев и заснеженного парка.

Вечер. Сумерки сгустились за окном. Бабушка зажгла электрическую лампочку, щелкнув выключателем. В коридоре слышались шаги и дверь открылась.

На пороге в зеленом платке и фуфайке появилась румяная и очень худая моя мать. Ее светлые глаза пробежали по комнате, нашли табурет. Она устало, уселась, стала снимать валенки.

– Холодно на улице. Мороз. – Сказала она, не глядя на меня. – Валик ел что-нибудь, или нет? – спросила она у бабушки.

– Пускай сам расскажет. – Недружелюбно ответила бабушка, принявшись доставать еду из печки.

Я стал рассказывать, чем накормила меня бабушка, а мать комментировала.

– А молока почему ты не пил, а?

– Я не бочка. Чтобы лопнуть? – оправдывался я.

Тем временем на столе, возле окна появилась дымящаяся глубокая тарелка с борщом и двумя кусками свинины, издающей аппетитный аромат.

Мать отломил зубок чеснока и, макая его в соль, стала есть.

Я наблюдал за едой матери, морщась от неудовольствия. Представлял, как душно и противно будет насыщена этим запахом спальня. И как тяжело будет болеть голова и грудь от чесночного смрада в непроветриваемом помещении, где он спал в одной комнате с матерью. Так уж сложилось, что мать ела один раз в день, и это было вечером.

Утром она спешила на работу еще затемно, и возвращалась, когда было уже совсем темно.

В совхозе, где она работала, ее знали, любили и уважали за ее трудолюбие, бескорыстие и простоту. Товарищам по работе с ней было и трудно и легко одновременно. Ее темпераментный и нервный характер заставлял с ней считаться. А правда и справедливость, с которой она говорила все вслух и при всех, вызывал симпатию у всех тружеников и скрытую ненависть у руководства. Ее боялись. Старались не допустить к верхушке управленческого аппарата и терпели, помня о тех связях, которые у нее сохранились еще со времен работы в правительстве с самим Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Хрущев в свое время занимал пост секретаря ЦК КПСС Украины, а сейчас он руководитель СССР. Многие односельчане помнили, как стаканами пил самогон на новоселье дома у Зимогляд Ольги Андреевны полковник КГБ, ныне генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко. И какие только фронтовые анекдоты безбоязненно рассказывал о Сталине, Жукове, Ленине и Крупской. Даже в Хрущевскую оттепель, расскажи один из них простой смертный, по головке не погладят.

Жила моя мать Ольга Андреевна одиноко. У нее были замужние четыре родные сестры. А у меня двоюродные братья и сестры разных возрастов. Никто из них недолюбливал меня. Все считали меня байстрюком, так как родился я, хоть и в законном браке, но от распутной пьяницы Альберта.

Дружбы со сверстниками не получалось. Село дружно завидовало моей матери, и тихо презирало за безотцовщину. Хорошая сытая пища, экстремальные условия жизни в изолированном «коконе» закаливали. Я, как волчонок, научился огрызаться, давать сдачи сверстникам...

Глава вторая

В воздухе стоял пряный аромат цветов. Легкий июльский ветерок, чуть касаясь, шевелил верхушки высокой и сочной травы, перебирая листики стебельков и от этого, казалось, что травинки шепчутся меж собой о сказочных, сокровенных тайнах, скрытых в их непроходимых дебрях.

Вот бы забраться туда в зелень этих джунглей стать хоть на минутку таким, как труженик муравей, помочь ему перетащить огромную в три муравьиных роста соринку. Потом взобраться по скользкому, блестящему, словно лакированная жердь, стебельку к роскошному цветку клевера и попить, как пчела, нектар.

– Жу—жу—жу—жу—у—у—ж! – жужжит басовито шмель.

Черный комочек кружится некоторое время над цветком, словно прицеливаясь и, наконец, тяжело садится на розовый бархат бутона. Деловито, с легкостью, перемещая неуклюжее лохматое тело от кулечка к кулечку, он с явным удовольствием пробует сладкий нектар, совершенно игнорируя любопытный взгляд, рассматривающий шмелиный завтрак. Да разве есть время оглядываться по сторонам, когда рядом столько цветов, давай только поспевай, собирай сочный ароматный нектар. Да разве заметишь среди этого моря благоухающих разноцветными бутонами головок, да разве заметишь, когда глазами мальчишки смотрит само небо. Такие они синие, синие. Или, может, шмелю показалось, что это два василька повернули свои головки под легким дыханием лета.

Моя русая голова застыла в поросли разнотравья. Очарованный увиденным таинством природы, я смотрел широко открытыми глазами на нетронутую красоту трав, на снующих, с озабоченной суетливостью, насекомых, жужжащих, шуршащих, стрекочущих в траве. На деревья старого сада и наконец мои глаза встречаются с небом. Я смотрю в его бездонную синь, лежа на спине. Как хочется взлететь в безбрежный манящий простор, парить в нем, и смотреть, и смотреть с высоты на родное село. На сад, в котором я сейчас лежу. На пасеку. На старинный парк. На свой дом, что стоит вот рядом, стоит перелезть через забор и перейти дорогу.

Солнце поднимается все выше и выше. Краски утра постепенно теряют прозрачность, превращаясь в выцветшие тона. День разгорается. На солнце становится жарко, настоящий солнцепек. Жаркий ветерок доносит запахи сосновой смолы. С трудом, оторвавшись от манящей прохлады трав, я пошел по ворсистой зеленой мякоти травяного ковра в сторону беленьких домиков—ульев, выстроившихся ровными рядами за сетчатой оградой пасеки. . .

Сквозь стекла, единственного большого, окна на дощатые полы комнаты падает сноп солнечных лучей, очерчивая аккуратный квадрат с шевелящимся тенями листьев в нем. Вплотную к подоконнику, расчерченном прямыми линиями (солнечных часов), приставлен стол, одновременно это и верстак для столярных работ. Пахнет терпким смолистым ароматом. Свежая стружка и пряный запах воска, исходящий от рамок, сплошь развешенных на стенах комнатки, создают этот удивительный аромат меда воска и сосновой стружки.

Обстановку подсобки пасечника дополняет печка, выложенная почти до самого потолка. В углу комнаты, напротив окна слева, стоит металлическая бочка с центрифугой внутри. От большой ручки через шестеренчатое зацепление вращение передается на центрифугу.

За столом—верстаком сидит пожилой человек. Он держит в руках толстую книгу и внимательно читает. Сквозь спущенные на нос круглые очки в книгу смотрят карие сосредоточенные глаза из-под нависших седых бровей. Старик внезапно оторвался от чтения, прислушался. За дверью раздались шаги. Он повернул голову и вопросительно посмотрел на дверь. На пороге появился мальчишка.

– Здравствуйте дедушка.

– А, это ты, Валик. Заходи, заходи. – Говорит дедушка мягким добрым голосом.

– Деду, а пчел пора уже смотреть?

– Пора, пора, давно уже прошла. Ох—хо—хо. Что ж ты раньше делал?

– Та я й так рано пришел. А ж, жаль. – Сокрушенно ответил я.

– Ну, ничего. – Хитро заулыбался пасечник.

Он, с оханьем, тяжело поднялся и направился старческой шаркающей походкой к центрифуге.

– А я, тут тебе медку приготовил. – И, кряхтя, он достал из бочки рамку с тяжелыми сотами, полными янтарного меда.

– Бери кружку и набирай скорее воду.

Мед, смешанный с воском сот, таял во рту и был гораздо вкуснее меда, который едят просто ложкой. Я вынимал изо рта аккуратные жеванные комочки воска и бросал их в ведро, куда пасечник сбрасывал обрезки сот, чтобы затем сплавить восковый слиток. Эти слитки он обменивал на восковые заставки в рамках с размеченными на них аккуратными шестигранниками, под будущую пчелиную кладку. Насытившись медом, я отпивал два три глотка воды из тяжелой медной кружки и вновь принимался жевать сочные медовые соты. И так, смакуя, ел и ел до тех пор, пока пасечник не остановил меня: – А ну ка, покажи живот?

Я задираю рубашонку, открывая вздутый, как барабан и круглый живот.

– Ого? – нарочито удивленно, внимательно осматривая и ощупывая шершавой ладонью мой живот. – Так тут уж мед стал выступать?

– «А, может, я объелся и у меня случится заворот кишок?», – с опаской подумалось мне. А спросить об этом хитрого пасечника не решался, вместо этого спросил.

– Дедушка, а, что это у вас за кружка такая?

– Какая, такая?

– Ну, такая вот, вроде и маленькая, а тяжелая. – Я вертел в руках медную кружку,

– От у нас дома и большая кружка, и легкая.

– Ну, так-то ж у вас, а то у нас.

На этом разговор обычно заканчивался. Но, мне хотелось поговорить. Я пытливо всматривался в седые лохматые брови старика, и продолжал.

– А что это вы читаете?

– Что читаю? Э э, это тебе еще рано знать.

Он закрыл массивный переплет книги и отодвинул толстый том в сторону. Потом поднялся со своего стула, внимательно, рассматривая какие-то линии, начертанные карандашом на подоконнике. Тень от оконной рамы уже совпадала с одной из них. Удовлетворенно крякнув, старик произнес.

– Ну, вот уже пора дамой идти.

Обидно было в душе на старика. И что ж он такой неразговорчивый, пугает медом, выступившим на животе. Да-а, видно не любит пасечник гостей. По дороге домой я приостановился перед забором сада. Воровато осмотрелся по сторонам, затем торопливо задрал рубашонку и внимательно исследовал живот. Живот лоснился от капелек пота, выступивших по всей его поверхности, и были те капельки так схожи с капельками меда, что палец сам невольно потянулся к липким бусинкам и собрал несколько на кончик пальца. На вкус капельки оказались самыми обыкновенными потничками и были солоновато горьки. Вот если бы за этим занятием заметили его мальчишки, друзья. Навеки покой убежал бы от него. Но их не было рядом, и я продолжал изучать свой выпуклый живот. Даже повернулся к солнцу, но все напрасно, кроме маленьких блесков—капелек пота, меда нигде не было. Значит, пасечник обманул его? Снова досада подступила к горлу предательским комом. Я насупился, заправил рубашонку в штаны, надел на правое плечё шлейку—подтяжку, чтобы не спадали, перемахнул через забор...

Лето, жаркая пора для сельских тружеников, работающих в поле. Летний день проходит быстро, как одна минута. Для детей, бегающих в детские садики, и школьников, отдыхающих на каникулах, летний день мчится вмиг, сменяя утро на полдень, полдень на вечер. И уже ревут стада, возвращаясь с пастбищ, в медных лучах заходящего солнца. Раздаются голосистые призывы матерей, зовущих домой играющих детей.

Вечером, за ужином, я спросил у матери.

– Мам, а кто такой пасечник?

Мать недовольно ответила.

– Ты лучше у бабушки спроси.

Я снова насупился.

– «Ну, чего, почему ж они не разговаривают со мной по-доброму? Э-эх, вот отец Вальки всегда с улыбкой, всегда все рассказывает про все на свете».

Но, любопытство взяло верх. И я подошел к бабушке, которая в это время возилась, как всегда, у печки. Бабушка повернула ко мне лицо, все изрытое глубокими мелкими морщинами, с вечно дрожащим подбородком.

– Ты чего вскочил из-за-стола? Садись на место, тебя мне слышно. – Я снова уселся за стол, – Сейчас картофельку с мясом достану.

Бабушка, ловко орудуя печными вилами, извлекла из печки чугунок с жарким.

– Ба-а, а, бабушка?

– Да слышу, слышу. Чего тебе?

– А кто такой пасечник? – не здавался я.

– Да тож Федось Кузьмович, дьячек.

– Ба-а, а, бабушка, а, что такое, дьячек?

– Это тот, кто в церкви псалмы читает. Вот пойдем со мной паску святить там и увидиш...

Глава третья

Бабушка моя была мне лучшим другом. Всегда защитой, всегда советчицей – другом, одним словом. Мать же, занята работой в совхозе, практически не занималась мной – все ей было некогда. И я рос без должной материнской ласки, сам по себе. Отца у меня небыло. Кто такой отец? Его назначение в семье мне неизвестно. Но бессознательное чувство влекло меня к чужим отцам. И посещая своих друзей, порой не хотелось уходить домой, такой уверенностью веяло от отца друга. Такой сыновней атмосферой окружали отца дети, что я всегда с сожалением возвращался домой. Что тут говорить, я в тайне завидовал соседской девчонке Вале и ее брату Володе Синиловым.

Однажды, я это запомнил на всю жизнь, отец повел детей в магазин. И я, как бездомная собачонка, увязался за соседями. Там чего только небыло. И ружье, стреляющее пробками, и мячи, и даже самокат. Отец покупал детям игрушки, на выбор. Володя получил ружье и самокат. Валя, мяч и куклу. Мне, конечно, ничего...

Пришло время праздника Пасхи. Бабушка надела чистую праздничную одежду, мне выдала белую рубашку и новые бриджи, чуть ниже колен. На штанинах бридж были застёжки на пуговицах под коленями. И мы с бабушкой пошли к церкви. Из корзинки, которую несла бабушка, исходил пряный аромат пасок, пирожков с домашним творогом, и запеченных на пирогах хлебных крестиках, и крашеные яйца.

У иконостаса поп в длинной рясе до пят стоял спиной к прихожанам и басом нараспев читал молитвенник:

– Отче наш, Иже—еси, на небесах. Да святится имя Твое. Да будет воля Твоя...

Церковный хор, из набожных старушек, звонкими голосами подпевал ему. В черном костюме и начищенных до блеска сапогах, облокотившись на узенькую трибуну, стоял лицом к хору Федосий Кузьмович. На его длинном носу сидели круглые очки. Сквозь них он рассматривал тексты библии и тенором пел вместе с хором. В церковном зале многолюдная толпа прихожан, быстро крестилась в паузах хора. И крестное знамение, и хор, и торжественная тишина прихожан, наполняли пространство церковного зала и мое воображение ощущением какого—то таинства. И поддавшись всеобщему порыву набожности, я сложил три больших пальца правой руки в «пучке», как учила меня бабушка, и с замиранием сердца — крестился. Содеянный жест вызвал трепетное чувство ожидания чуда. Мне вдруг казалось, что вот, что—то должно произойти. Хор в это время запел.

– Господи, помилуй, Господи, помилуй. Помилуй, на—а—с...

Из церковных высоких и длинных окон на иконостас падали снопы солнечных лучей, четко вырисовываясь в частичках пылинок церкви. Казалось, что вот-вот, еще одно мгновение, и по образовавшимся лучам сойдет Архангел Святой Михаил или Гавриил и освятит своим присутствием всю паству и пасхи прихожан.

Но кроме голосов хора, да шуршания одежд, крестящихся ничего необычного не случилось. Зато бабушка, глядела на внука, со слезами умиления, тепло нежно и ласково.

Я чувствовал от этого ее взгляда столько уверенности в себе, своих душевных силах, что нет теперь преград в мире, которые мне не преодолеть. Нет черных злых сил, которых мне теперь не одолеть. Вздыхнув на полную грудь, впитывая в себя атмосферу торжественности и значимости происходящего, я уверенно крестился и слушал молебен и пение хора...

Домой из церкви возвращались весело. Набожные бабушки нахваливали внука моей бабушке. А я чувствовал себя в этот миг не одиноко.

— *Смотри, вот он.*

— *Точно он?*

— *Вон тот мальчик, среди набожных старушек, видишь?*

— Ты точно уверена, что это наш мальчик?

— Сканирование временного портала выдало нам его. Что не помнишь? Это место. Эта церковь. И я уверена, тут недалеко от церкви и мой женский тип проживает.

— Но надо будет проверить?

— Командир, этот твой принцyp – доверяй, но проверяй, мешает только. — Упрек в голосе женщины.

Глава четвертая

Мне пять лет. Как-то утром бабушка сказала.

– Ты давно не был в детском садике. Собирайся, сегодня пойдем.

– А где мама? – я протер кулачками глаза.

– Она в Киеве, на совещании.

Так бабушка называла конференцию колхозников, куда была направлена моя мама. О, как я не любил ходить в этот детский садик, одному Богу известно. В садике дети часто дразнили меня прозвищем «дипутат», как сына матери бывшего депутата Верховного Совета Украины, а ныне депутата сельского совета села Шпитьки. Мне от этого было обидно и неприятно. Я за это, порой, даже сердился на мать за ее депутатство. У всех матери, как матери, а у меня какая-то непохожая на всех. Вечно у нее дела. Везде ей нужно успеть, побывать и на работе, и на сборах, и на ферме, и на выставке. Ну, прямо не человек, а дело. Конечно, мне непонятна была добросовестность матери, давно снискавшая ей уважение. Ее любили работники совхоза, односельчане. Зато дети их почти ненавидели ее сына. Я редко видел маму. Но, случались минуты, когда она появлялась дома и спешила выслушать не сына, а его двоюродную сестру Нюсю. Сестра часто спекулировала своим положением в семье и жаловалась на невинные мои шалости. И вместо поцелуев долгожданной мамы, нередко доставался шлепок. Мне становилось обидно на мать, на зловредную сестру, на детей, дразнивших меня обидным словом «дипутат», и, наконец, на весь Мир, за то, что он такой красивый и приветливый, допускает существование обид. Однажды, получив порцию истерических выпадов со стороны матери смачно сдобренных розгой, под ехидные смешки Нюски я не в силах сдерживаться от незаслуженных обид, выбежал на улицу. В эти минуты я твердо решил уйти из дома и никогда больше не возвращаться. Дорога шла к центру села, где были магазины и аптека. Пройдя метров двадцать, в сторону центра, я стал размышлять, а что, если зайти в аптеку и попросить лекарство, какое ни будь, чтобы не воспринимать так остро обид и не злиться. Эта мысль все настойчивее врезалась в меня и совсем побудила к действию, когда я поравнялся с аптекой. Не решаясь войти внутрь, я прошел мимо. Затем вернулся и решительно вошел в просторный коридорчик с широким окном. Постояв с минуту, решительно толкнул дверь и вошел. Аптекарь стоял за прилавком. Увидел вошедшего знакомого мальчика, спросил.

– Что, Валик, что-то случилось с мамкой? – он смотрел внимательно на мое заплаканное лицо, ожидая ответа. Слезы давили меня, я не мог отвечать. Аптекарь вышел из за прилавка и подошел ко мне.

– Знаешь что, ты расскажи мне все по порядку. Может я лекарство, что тебе нужно, я тебе дам, а деньги потом принесешь. Хорошо?

Я кивнув, в знак согласия, сказав, – А лекарство от зла у вас есть? – и вопросительно уставился на аптекаря.

Он вначале не понял, что я спросил. Потом резко вскочил на ноги, отворачиваясь от меня, очевидно, прятал улыбку, быстро стал за прилавок аптеки, делая вид, что ищет лекарство от зла. Немного погодя, поднял голову от стеклянной полки с лекарствами, сказал, – А что ж такое случилось, что ты пришел за лекарствами од зла? – и дал мне бумажную салфетку, чтобы я вытер слезы и высмаркал нос. Вытираясь салфеткой, я отвечал. — Да злые все, мать, Нюська. И даже моя бабушка не может меня защитить. Мать как бешенная, а её Нюська всегда лает, как собока на цепи, против меня, как та сучка, от и все. – Сльози снова побежали с моих глаз, дыхание сперло. Аптекарь, чтобы скрыть навернувшиеся на его глаза слезы, быстро отвернулся в сторону подсобного помещения, и глухо сказал.

– Подожди, я скоро, принесу лекарство от зла. – И исчез за дверью подсобки. Через некоторое время он вернулся, держа в руке два круглых пакета таблеток.

– На вот это таблетки от зла. Будешь принимать после еды три раза на день.

Я обрадовался и с благодарностью принял лекарство. На душе у меня стало тепло и радостно, что так просто разрешилось мое бегство из дома, и уже нет никакого желания никуда бежать я выскочил из аптеки. Мимо проходил Леня Очколяс. Метров на двадцать он отстал от своей матери, которая шла впереди.

– А это ты Валик?

– Ты что, не видишь чтоо это я? – ответил я ему.

– Ты что делал в аптеке?

– Так вот купил лекарство от зла.

– Такого лекарства нет. – Авторитетно заявил Очколяс.

– Вот гляди. – я торжественно показал ему две упаковки.

– Это глюкоза. – Не моргнув глазом, ответил Леня.

Я не знал еще, что такое глюкоза. Но отступить было не куда и я спросил.

– А что это такое глю, глюкоза?

– А дай мне я покажу.

– На. – Я дал Лене пакетик. Он деловито развернул его, достал одну большую таблетку и положил себе в рот. Потом достал еще одну. Протягивая мне, сказал.

– Возьми, попробуй. Они сладкие и очень вкусные.

– Льонька, – позвала его мать. – Долго я буду ждать тебя? А ну ка бегом ко мне. Вот возьму хлесткий прутик, я тебе дам по заднице.

Очколяс с недоеденным пакетиком бросился к матери, забыв вернуть его мне. Но мне уже было все равно. Снова обман и разочарование. Аптекарь выдал обыкновенную глюкозу за лекарство. Но где мне понять уловку аптекаря, ведь эта глюкоза, как лекарство от зла, помогла мне оправиться от обид и привести себя в норму. Дала новый толчок к тренировке самообладания в стрессовых ситуациях в будущем и помогла мне осознать, что надо взвешивать свои поступки и действия, дабы сохранять спокойствие и самообладание...

— *Я бы взяла его к нам. Очень жаль мальчика.*

— *Нет. Почему я всегда должен возвращать тебя в наше поле вибраций?*

— *Я помню наши задачи здесь. Я помню и то, что не будет его, не будет тебя, то же произойдет и со мной.*

— *Помни мы не одни на Земле и у нас, как и у этого беззащитного мальчика здесь много врагов.*

— *И куда это КВЦВ (Коалиция Высокоразвитых Цивилизаций Вселенной) смотрит, а, командир? — в голосе женщины звучала ирония.*

Глава пятая

Я остро нуждался в друге, задушевном, сильном советчике, который заменил—бы отца. Быть с другом всегда и везде вместе, ощущать его защиту и поддержку, разве это несчастье. Такого друга у меня не было.

Однажды из Переяслав Хмельницкого приехал к моей бабушке ее племянник дядя Коля, сын ее родного брата Григория. Он был в командировке в Киеве и заехал к нам с миссией от дедушки Григория передать письмо моей бабушке.

Приезд дяди Коли, племянника моей бабушки, можно прочитать в произведении «ПОРТАЛ», где в образе дяди Коли описываю свой собственный визит из далекого будущего, волею случая попав в Портал времени, я был заброшен в прошлое... (примечание Автора).

В письме дедушка Григорий приглашал мою бабушку приехать в гости, ссылаясь на то, что он из-за своих болячек не может уже пускаться в поездки. Бабушка ответила, продиктовав моей матери ответное послание, в котором пообещала, что обязательно выберется и выедет, когда подготовится к поездке. Дядя Коля весь день возился со мной, играл в мяч. А после обеда мы ходили с ним в парк. Там у аллеи старинных лип, посаженных еще со времен сахарозаводчика Терещенка, мы наблюдали путь муравьев. Как эти труженики, двигаясь один за другим, тащили на себе, кто кусочек стебля травы, кто малюсенький листик, а кто обломок черного крылышка жука. Дядя Коля, гуляя со мной парком, рассказывал мне разные истории, в которых героями были смелые и мужественные путешественники, побеждающие невзгоды, встречающиеся на их пути. Мне было интересно с ним. И как я сожалел, когда, переночевав у нас, он рано утром уехал.

Одиночество волной захлестывало, подавляло душевные порывы к прекрасному видению Мира. Все казалось мрачным, неприветливым, враждебным. Особенно тягостно оно в минуты не понимания детьми, близкими и родными людьми, и я выдумал себе верных друзей. Так моим другом стал перочинный ножик, который помогал создавать из срезанных прутиков настоящие «сабли» или «ружья», которыми я сражался со злой крапивой, чувствуя себя в этот миг сильным и отважным.

Перочинный ножик подарил мне двоюродный брат Володя. Он был сыном тети Кили, сестры моей матери. Он окончил сельскохозяйственный техникум по специальности садоводство, и мать пригласила его обрезать яблони в нашем саду. Ножик был садоводческий для обрезания черенков и расщеплении саженцев. На конце лезвия был специальный выступ для раздвижки надреза коры, и очень острый. Еще у меня было цветное стеклышко, синее – синее, в котором мир предстал в таких синих красках, как в кино, и птицы, и листья в нем, и трава, и небо, все было синее. А небо днем казалось таким, каким было ночью. Только солнце, такое же яркое, как всегда, и смотреть на него сквозь синее стеклышко так же больно, как и без стеклышка. Еще моим другом был петушок. Он гордо вышагивал по двору. Его разноцветный хвост развивался на ветру, привлекая внимание несущек. Петушок здорово умел драться. И хоть я и побаивался его, но считал петушка своим другом, потому, что он никогда не был смиренным и вечно задибался ко мне. Бывало, растопырит крыло, и боком – боком подступает, воинственно покрикивает, как индюк. Я «саблей» отпугиваю забияку, но все напрасно. С диким кудахтаньем петух прыгает ко мне на голову, бьет клювом по голове и принуждает спасаться бегством. Я прячусь за массивной дверью деревянного коридора. А петушок с видом победителя, вышагивает, чинно поворачивая бока несущкам, мол, смотрите какой я герой. Горьки минуты одиночества...

Последний год перед школой выдался особенно трудным. Открылся летний детский сад для детей работников колхоза «Большевик». Зимой Шпитковский детсад не работал. Бабушка собралась отвести меня.

– Ты опять лег? – окликнула она меня. Я успел уже задремать, лежа на печке, мечтая о своих друзьях. – А ну ка слезай, а то уже девять часов скоро. – Твердила неумолимо бабушка.

Я неохотно слез с печки. Снял длинный сестрин сарафан, служивший мне ночной рубашкой. Надел трусы, шорты на одной шлейке-подтяжке штанин, безрукавку и выбежал босиком во двор. Там уже меня поджидал забияка петушок. Птица, завидев своего врага, покосилась глазом, и пошла было в наступление, воинственно переваливаясь с ноги на ногу, как бы, подражая увесистому гусю. Но скрипнула, отворяясь, коридорная дверь и на пороге появилась бабушка. Петух нехотя отступил, делая вид, что собирает зерно, и никакого дела ему нет до мальчишки. Бабушка, замотавшись у печи, опаздывала с внуком. Но, тем не менее, бабушка взяла меня за руку, и мы двинулись в путь. Мне ничего не оставалось делать, как плестись следом за ворчащей бабушкой. Мы вышли на улицу. Дальше дорога потянулась аллеей столетних лип, остатки старинного помещичьего парка, буйным цветением встретивших меня и бабушку. Неожиданно бабушка остановилась и внимательно осмотрела меня.

– Боже ж ты мой, на кого же ты похоже, а? – всплеснула руками она, и ухватила крепко меня за плечи, притянула к себе. Я завертел головой, но бабушка неумолимо стала облизывать чумазые щеки, смачно сплевывая грязную слюну. «Умыв», таким образом, мое лицо, она повела меня к детскому саду. А, мне, так не хотелось туда. Не хотелось расставаться со своими друзьями Ножиком, Синим Стеклышком, и петушком, их не разрешалось брать с собой. Я нехотя плелся следом, намеренно отставал от спешащей бабушки. А каштаны приветливо качали зелеными листьями. Парк пел листвою приветливые гимны.

– Да иди же быстрее? – подгоняла она меня. И я подбавлял шага, но как только бабушка отворачивалась, уходила чуть вперед, снова отставал и, наконец, решил-таки спрятаться за ствол раскидистого каштана.

– Ты видишь какое дитя, спряталось? От поганец. А ну ка выходи? – бабушка, ворча, таким образом, возвращалась, проходила мимо, а я выбегал из за ствола дерева и насмешливо говорил ей в спину

– Б—а-бабушка, а кого вы там зовете?

– Ну, подожди, вот расскажу воспитательнице тете Оле, она тебя крапивой, угостит. Вот будешь знать, как издеваться над старыми людьми?

Вот и детский сад. Воспитательница полная, круглолицая, встретила нас у калитки.

– Я вас не приму. Уже дети давно в столовой.

– Да не нужно ему кушать. Пускай идет играть. – Парировала бабушка.

– У нас так нельзя. – И, обращаясь ко мне, – А ты будешь наказан за опоздание. Последний раз принимаю тебя. – И уже бабушке, – Больше чтоб не опаздывали? – строго приказала она. На что бабушка махнула рукой проворчав.

– А-а-а, – знаем вас?

Я поплелся за воспитательницей следом.

В столовой было тепло и жарко, дощатые столы уже убраны.

– Садись за стол. – приказала воспитательница.

Я сел, стал болтать ногами. Неожиданно рядом вырос длинный худой мальчик. Это опоздал в детский сад Шут Коля. Я считал его своим другом. У него тоже не было отца, и он тоже, как и я, сегодня опоздал в детский сад. Дружба наша началась еще из прошлого года, когда к нам домой приехала родная сестра моей бабушки по отцу мерить мою мать с Альбертом, моим отцом. Ее звали тетя Зина, и она жила в Москве, и работала стенографисткой в канцелярии правительства СССР. Мать говорила, что она стенографировала разные совещания правительственных встреч и даже присутствовала на визитах иностранных делегаций по приглашению правительства. Она привезла целую уйму шоколадных конфет с вишневым ликером, с коньяком, ну в общем мне было позволено взять целых два кармана в мой пиджачок. И тетя Зина, а мать строго настрого приказала мне не называть ее бабушкой, называть только тетей

Зиной, хоть на самом деле она была мне двоюродной бабушкой. Тетя Зина вызвалась повести меня в садик, но мать не позволила, как оказалось, моя мать боялась, что меня заберет отец в Москву и отдаст на воспитание тете Зине. Вот поэтому я, с набитыми карманами шоколадных конфет, моя мать и тетя Зина вдвоем привели меня в детский садик. Вот тут-то и появился Шут Коля, который раньше совсем не обращал на меня никакого внимания, так как он был на целый год старше и у него был свой круг друзей одноклассников. Он робко подошел ко мне и спросил.

– Валик, а дай мне конфету? – Он возник рядом с нами и не уходил, пока тетя Зина не сунула ему в руку конфету в красной обертке. Он взял угощение и обращаясь ко мне сказал, – Дай мне, для парней. А я скажу чтобы они тебя не обижали. А если кто-то будет к тебе придирается то ты только скажи мне. – Он стоял и не уходил, теребя уже обертку от конфеты в руке. Тетя Зина сказала мне, – Валик, не давай конфет этих никому. Они с алкоголем и детям этих конфет нельзя давать.

Я почувствовал свою важность и значимость в эти минуты и обратился к тете Зине.

– Может одну дадим. С одной же ничего не случится плохого? – Мать посмотрела на меня и сказала, – Ну дай ему одну. И пускай себе идет угощает товарищей.

Я сунул Коле две конфеты и он с радостью убежал к друзьям, суя в рот все сразу. Там еще два мальчика стали смотреть в мою сторону. Не трудно было догадаться, что они узнали от Коли. После недолгого совещания, Коля опять пришел, и так повторялось до тех пор, пока не кончились все мои конфеты. После чего Коля забыл о моем существовании...

– А, это ты, Коля? Садись рядом с Валиком. – Нежно, почти ласково обратилась к нему воспитательница тетя Оля, колыхая увесистым телом, пошла к раздаточному окну.

Столовая была сооружена в виде навеса. Разница в обращении воспитательницы ко мне и Коле, была заметной. Коля опоздал тоже, даже на большее время. Но с ним обращались особенно подчеркнуто ласково, когда рядом находился я. Я, конечно, не понимал такого обращения, где-то подсознательно ощущая себя изгоем.

Перед нами появились тарелки с супом со свежим горошком и кусками мяса.

Коля заглянул в мою тарелку и сказал.

– Дай мне твой жирный кусок, я тебе дам вот этот кусок мяса.

В тарелке у Коли был большой белый кусок.

– Это не мясо. – Парировал я.

– Мясо, мясо! Это оно такое белое и совсем нет сала.

Не успел я ответить, как Коля бросил белый, дрожащий как желе кусок вареного сала в мою тарелку, и из моей тарелки зачерпнул аппетитное ребрышко с мясом.

Комок огорчения подступил к моему горлу, и я от обиды перестал есть.

– Возьми, съешь, попробуй, это же мясо. – Уговаривал, не отставая от меня, Коля.

И поверив в это, я взял кусок в рот.

– Только ты проглоти его сразу. Это же мясо? – глядя широко открытыми глазами на товарища, продолжал Коля.

Я сделал над собой усилие и проглотил варёный кусок подчерёвочного свиного сала. Снова обидно защемило сердце от обмана Коли, считавшимся другом. Я еле сдерживал слезы и тошноту все ближе подступавшую к горлу. Кушать не хотелось. Кусок жира застрял в горле тошнотворным препятствием. А ведь такой ароматный свежий горошек, зеленый укропчик и коровье домашнее масло сверху в супе. Любимый суп, теперь казался безвкусным. А тут еще повариха прицепилась.

– Ты чего не ешь? А ну ешь?

Воспользовавшись минутой, когда она отвернулась, Коля схватил мою тарелку с супом и выплеснул под стол, затем быстро поставил порожнюю передо мной. Повариха обошла вокруг длинного стола и вновь приблизилась к нам.

– Ну, вот молодец. Добавку возьми?

– Нет, я уже не хочу. – Протрямлил я.

– На, вот, пей компот, – она поставила передо мной граненый стакан грушевого компота, пахнущим дымком. Я в мгновение осушил стакан, таким вкусным показался напиток после порции вареного, отвратительного жира. Казалось, дай мне ведро компота, в тот памятный момент, половину ведра наверняка выпил бы. Но порции были строго ограниченные.

Тошнота подступала. Стучало в висках. Красные бабочки запорхали перед глазами, дыхание чуть не остановилось.

С чувством омерзения я посмотрел вокруг и увидел напротив смеющуюся физиономию Коли. Мальчик ликовал. Издевка удалась, чувство победителя засияло в его самодовольной ухмылке.

В этот момент мне хотелось убежать домой к своим Друзьям, – рыжему петушку и собачке по кличке Марсик, к любимой корове Зорьке, и к вечно ворчащей бабушке Евгении Лаврентьевне.

Я выбрался из-за стола. Тошнота усиливалась, сердце учащенно билось, в висках стучало. Пошатываясь, я, как пьяный, поплелся к умывальнику. Там меня стошнило. Жирные отвратительные кусочки сала вместе с желудочным соком освобождали желудок. Содержимое желудка выплеснулось в корытце умывальника, облегчая общее состояние. Коля, довольный собой, побежал на дворик, где шла веселая игра. Я умылся и протер лицо полотенцем, самочувствие мое значительно улучшилось, головокружение прошло, и я побежал в сторону веселых голосов детей. Во дворе меня встретил гам детских голосов. Игра шла полным ходом. Кто лепил бабки в песочнице, кто дрался за формочки и совочки для песка. Кто собирал на клумбе, где, кстати, запрещалось это делать, цветы, пока тетя Оля провожала мою бабушку. Но лишь только она повернулась в сторону детей, все дети с невинным видом игрались. Шалости мгновенно забывались. Гроза – воспитательница с карающим стеблем роскошной крапивы, была лицом уважаемым и страшным для детского восприятия. Я влился в группку мальчишек, возившихся с деревянной качелью, внешне чем-то напоминающей гигантское пресс-папье выкрашенное синей краской, успевшей кое, где облупиться. На меня дети не обратили никакого внимания. Двое из них сидели на сидении слева, а трое справа и с удовольствием качались. От неравного веса качели перекосилась и почти не качалась.

– Эй! Давайте я вам Москву покажу? – вдруг предложил я.

– А как? – почти хором закричали мальчишки.

– Очень просто. Давайте я влезу на сидение один, а вы все садитесь напротив меня и меня поднимете высоко до облаков.

– Ура, а! – дружно закричали дети.

Я вылез на сидение один, все пятеро, взобрались напротив, и меня подняло высоко над двориком детского сада, над цветочной клумбой, над детьми.

– Ну, видишь Москву? – спрашивал белобрысый мальчишка, с широко открытыми синими глазами.

– Вижу! – авторитетно отвечал я.

– Ану-ка, покажи? – все дружно бросились ко мне, и «пресс-папье», кинуло меня вниз, переваливаясь в мою сторону.

– Ну, что вы наделали? Я теперь не вижу ничего.

Но игра потекла уже в новом русле. Про Москву все забыли, принимаясь за игру в «Квача» (в догонялки, кто кого догнал, тот и Квач). За веселыми играми я забыл о наказании, но оно поджидало меня, грозя неожиданной мстостью заслушание бабушки.

Неожиданно появилась воспитательница тетя Оля.

– Дети наигрались? – обозвалась тетя Оля, – Теперь дружно пошли строем.

После завтрака, воспитательница тетя Оля, полная и неповоротливая от своей полноты, выводила детей в дубовую рощу на мягкую бархатистую траву. Она расстелила одеяло под

толстым узловатым стволом старого дуба, поместила на него свое тучное тело и принялась за каждодневное свое занятие, вязание кофточек или штопанье чулков.

– Валик? – позвала она с ядовитыми нотками в голосе. – Ты сегодня наказан, играть не пойдешь. Сиди тут и никуда не отходи.

Что может быть страшнее за самое страшное наказание для непоседливого мальчишки, как сидеть возле толстой воспитательницы, удушающие пахнувшей потом запаха дохлых крыс, забивающим дыхание, когда идет веселая игра прямо тут рядом перед глазами. Лишится игры, в которую рвется всей душой мое естество, а строгость запрета не позволяет отдаться наслаждению, тогда игра становится во стократ привлекательнее, чем есть на самом деле. И это мир взрослых? Что может быть скучнее этого мира? Неужели взрослые не понимают сердец маленьких людей, ведь запреты в этом моем возрасте воспитывают обман и хитрость у маленьких. Так сидя рядом с тетей Олей, философски размышлял я. И грустные мысли повергали меня в дебри рассуждений о том, что взрослые могут только в разрешении стимулировать к игре ребенка, а запрет лишь ужесточает душу, толкает на преступление.

– Валик? – позвал меня изнывающего от скуки, худенький и щуплый сверстник. Его широко открытые серо-голубые глаза, смотрели простодушно. Улыбка приветливая и добрая сияла, а вздернутый носик, делал все выражение лица безгранично наивным. Он жестами стал выманивать меня за собой. Воспитательница в это время, посапывая, уже клевала носом, как-то умудряясь спать сидя, не опираясь спиной о ствол дуба. Я осторожно встал, на цыпочках забежал за дуб.

– Чего тебе, Павлик?

– Пойдем, поиграем в Догонялки.

– А, как кто скажет?

– Никто не скажет. – Заверил Павлик. Уговаривать меня долго не пришлось. Я весело побежал навстречу игре мальчишек и девчонок. Навстречу веселому ветру, не слыша голоса воспитательницы. Когда Павлик остановил меня, до сознания донеслось.

– Вот я тебе сейчас? Ты же наказан? Ану быстро иди сюда!

И я, опустив голову, побрел в сторону зовущей тети Оли. Рядом с воспитательницей ехидно улыбался Леня Очколяс. Правую руку воспитательница уже держала за спиной, недобрый знак для меня. Я приблизился с опаской, наблюдая за этой спрятанной за спиной рукой. Видно, что-то там крайне неприятное, и страшно приятное зрелище ожидает Леню Очколяса. Не трудно догадаться, кто сдал меня и услужливо принес воспитательнице стебель крапивы. Когда же я приблизился на расстояние вытянутой руки воспитательницы, то это что-то, как я и догадывался, оказалось жгучей крапивой, которая прошумела в воздухе, опускаясь на щиколотки под сладостный дикий хохот Лени Очколяса. Слезы обиды и огорчения выступили на моем лице, я тихо заплакал, почесывая вздутые красные бугорки на ногах.

– А, что, получил? – язвил, радостно ухмыляясь Очколяс. Этот мальчик рос в многодетной семье. Он был моим сверстником, и был самым хрупким маленьким, и болезненным мальчиком из всех мальчишек в детском садике. Тонкие ноги и большой живот, делали его фигурку комичной, затеняя даже кукольные черты лица, а всегда ехидная улыбочка и склонность ябедничать обо всех проделках мальчишек, сделали его ябедой. Мне стало обидно не сколько за воспитательницу, сколько на ябеду Леню Очколяса, который не только рассказал о самовольной отлучке, но в чем я был уверен, даже принес орудие наказания, крапиву. И сейчас, наслаждался радуясь мукам своей жертвы в моем лице. Мне хотелось в эти минуты унижения забежать далеко ото всех, забиться, куда-нибудь в темный далекий угол, скрыться и побыть одному. Мне живо вспомнился дом. Петушок забияка, от которого я получал удары и совсем не обижался, потому, что петушок никогда не был близким другом. Он был другом—врагом и ничего больше. А Леня Очколяс умел быть и тем, и другим. Это сеяло недоверие к Лене, как к другу и не вызывало чувства злости и желание победить, как врага. Единственное чувство,

которое вызывал Леня в моем воображении, это было чувство жалости, родившееся еще тогда, когда мама рассказала мне, как хлопотала перед администрацией колхоза, чтобы многодетной семье Очкалясов, у которых было пятеро детей, построить дом. Как семье рабочего колхоза, погибшего от рук бандитов, объявившихся после амнистии. Она рассказала мне, в каких ужасных условиях живут Очкалясы. В крохотной избе, крытой соломой, с земляным полом, наспех слепленной, после сожженного дотла добротного дома. Мама рассказала и о трудностях молодой женщины, матери Лени, оставшейся одной с детьми.

Врожденная зависть к зажиточным, как ему казалось, детям, породила ненависть и злобу в израненной бедностью душе.

К обеду жжение ужаленных ног утихло и почти уже не беспокоило. Настроение мало-помалу вернулось ко мне, и уже беззаботно смеясь, я вышагивал в строю детей, подставляя подножки шедшему впереди Пономаренко Коле, толстому и неповоротливому мальчугану...

На следующий день я шел в детсад один без бабушки. Бабушка категорически отказалась меня водить в садик. А на замечание матери, она отвечала.

– Он знает дорогу и может сам уже ходить. Не маленький, ему скоро шесть лет будет, пускай приучается? – на что мать говорила бабушке.

– Оно ж малое. А забредет куда?

– Не забредет, не велика утрата. А была б у нужнику утопила то и не мучилась бы? – мать проглотила обиду молча, и уже ласково спросила меня, знаю ли я дорогу? Я, как мог рассказал, как идти в детский садик. Мать утвердительно согласилась. И я первый раз самостоятельно утром вышел из дома. Дорога шла парком. Впереди в кустах я увидел Лёню Очкаляса, который воровато озираясь, что-то там искал. Меня он не видел и я, обрадовавшись, что дальше пойду не один в детсад позвал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.